

Юрий Алкин

Исцеление

- И как давно, вы говорите, это началось?
- Давно уже. В прошлом в сентябре.
- Ааа.. понятно. Одиннадцатое?
- Да. Сразу после этого.
- Ну что ж, поверьте мне, ваш муж – далеко не единственный.
- Слышишь, Дейв? Я же тебе говорила.
- Слышу, слышу... Да у меня ничего и нет.
- Не слушайте его, он сам не свой. То есть, слушайте, конечно, но не обращайтесь на это внимание. Он нервничает. Ну вы понимаете, что я имею в виду.
- Конечно, я понимаю. Мистер Бейли, расскажите мне, пожалуйста, в чем именно выражается ваше беспокойство.
- Да вы поймите, у меня все в порядке. Это она настояла, чтобы мы к вам пришли. Но у меня нет никаких проблем. Сплю иногда не очень хорошо. Так ведь с кем не бывает? А так все отлично.
- Ну зачем, зачем ты обманываешь? Доктор Макферсон, прошу вас, не слушайте его. Да он раз в неделю ночью с криком вскакивает. У телевизора сидит каждый вечер и только новости смотрит, только новости. Уговоры не слушает, отмалчивается. Или еще хуже – кричит, что я ничего не понимаю! Нет, Дейв, не мешай. Ты не говоришь, так я скажу. Уходит от телевизора, берет газеты. И снова - ничего кроме новостей. Раньше про кино читал, про живопись, театром интересовался. А теперь – только новости. Выходные все у компьютера просиживает. CNN, ABC, Fox, NBC – ничего другого не читает. И если бы он их нормально читал! Нет, Дейв, я скажу! Он их сначала читает, а

потом сидит с каменным лицом и в стенку смотрит. А иногда наоборот – ни газет, ни телевизора, и если я включаю, кричит, чтобы я немедленно убрала эту мерзость. И чем дальше – тем хуже. Недавно страховку увеличил в пять раз. Мне ничего не сказал, я сама счет нашла. Спрашиваю: зачем? А он отвечает: я уже недолго протяну, но, может, детям повезет. Если, говорит, сама страховка не обанкротится. Я совсем перепугалась: почему не протянешь? Что же ты такое говоришь? А он: ты, Синди, почаще газеты читай, не будешь такие вопросы задавать. Теперь платим за эту страховку почти как за дом. Ну что, Дейв, что? Ты хочешь еще раз сказать, что у тебя все отлично? Да? Да? Извините, доктор...

- Ничего страшного, не волнуйтесь. Вот салфетки.

- Вы простите меня... Не могу я так больше. Это уже так долго тянется... И дети...

- Пожалуйста, успокойтесь. Вот так... Вот так... Это далеко не самый тяжелый случай. Жаль, что вы ко мне не пришли полгода назад, но и сейчас не поздно.

- Доктор, извините нас. Такая сцена...

- Ну что вы, мистер Бейли. Это моя работа. Здесь и не такие сцены бывали. Так давайте все-таки поговорим о том, что вас беспокоит. Спокойно, не торопясь. Хорошо?

* * *

- Видишь? А ты не хотел идти. Я же говорила – это можно лечить. Теперь и диагноз есть и таблетки.

- Да. И обеспеченный заработок у этого Макферсона. “Нам обязательно надо продолжать эти сессии...” Хорошо, прости, прости. Я знаю, ты права, он прав.. Только не плачь. Не плачь.

- Обещай мне... обещай, что будешь принимать лекарство! И к нему будешь со мной ходить. Или сам, но только ходи.

- Хорошо, Синди, буду. Ты только успокойся. Вместе к нему пойдём.
- И три дня без газет и телевизора, как он сказал. Ну пожалуйста, я прошу тебя, попробуй.
- Ладно. Договорились. Три дня.
- Начиная с завтра.
- Хорошо, завтра.
- Или знаешь что? Давай на эти три дня уедем? Поедем в Хаянис, возьмем мальчиков. А?
- Синди, у них школа.
- Тогда поедем вдвоем. И я попрошу Сюзан переночевать у нас эти пару ночей.
- Я не могу уйти с работы без предупреждения. А у Сюзан хватает своих хлопот.
- Ты можешь уйти. Ты сам сто раз говорил как у вас с этим хорошо. Возьмешь больничный. Ты же действительно болен!
- Только потому этот эскулап прописал мне какие-то таблетки? И вообще как ты сама не выйдешь на работу?
- Не беспокойся, с этим проблем не будет. Я обо всем договорюсь.
- Может, все-таки подождем до выходных?
- Нет, ну пожалуйста, давай не будем ждать. Если ты так не хочешь ехать на три дня, давай поедем на два.
- И в пятницу будем работать?
- Да. Поработаем один день, а потом будем отдыхать целые выходные.
- Но это же просто глупо. Лучше уехать на день позже и отдыхать четыре дня подряд.
- Я понимаю. Но я тебя очень, очень прошу. Для меня. Давай поедем, а?
- Ну что мне с тобой делать...

Дэвид проснулся с неясным и непривычным чувством легкости. Часы показывали половину седьмого. Синтия еще спала. Ничего себе, отоспался в

Хаянисе, с веселым удивлением подумал он. Чтобы сам, без будильника, да еще в таком настроении... Давно уже такого не случалось. Очень давно.

В Хаянисе, кстати, было на удивление хорошо. Старый дом, в который они приезжали еще до свадьбы, пустые, но очень опрятные улицы, усыпанные золотистыми листьями. Дом удалось снять мгновенно – кто еще поедет на побережье в середине недели, да еще и осенью. Хозяйка даже не пыталась скрыть приятное изумление и рассыпалась по телефону в любезностях, которые были очень похожи на искрение. Погода стояла превосходная – с кристально чистым, свежим, прохладным воздухом и почти без ветра. О купании в это время, конечно, не было и речи: мыс Код, все-таки, а не Майами. Но зато были неспешные прогулки по берегу, щекощущий запах барбекю на веранде и неожиданно приятный фильм в стареньком полупустом кинотеатре.

И воспоминания, воспоминания, воспоминания... Впрочем, чего уж там, одними воспоминаниями дело не ограничилось. И ночь была почти, если не сказать совсем, как в те времена, когда они еще студентами приезжали в этот городок. И не было мертвенных столбцов газет и холодного экрана, с которого одно за другим лились равнодушные сообщения о погибших, угрозах, болезнях и снова о погибших.

Память незаметно двинулась назад. А ведь так было не всегда. Сначала как лавина упал тот день. Упал – и в клочья разнес уютное, с детства привычное чувство безопасности. Белая неестественно пустая страница новостного сайта. Вместо широких улыбок актеров и статей о биржевых колебаниях – неуклюжие короткие строчки, говорящие о невозможном. О том, что могло случиться лишь в кино. И ничего больше – ни фотографий, ни солидных, успокаивающих комментариев специалистов. Только сухие и страшные слова. Первая мысль: это шутка! Уродливая, нелепая шутка потерявших совесть хакеров. И потом: надо включить телевизор. Щелчок. И медленно появляющаяся картина на экране. Нет... это правда. Горящие, окутанные угольно-черными тучами клубящегося дыма башни-близнецы. Растерянный голос диктора. Людские лица, на которых смешались все оттенки потрясения. Сообщения, регулярно прибывающие с неотвратимостью гигантского

маятника. “Горит Пентагон... идет эвакуация... обрушилась южная башня...”
Страх, переплетающийся со злостью...

Когда осел пепел, когда немного развеялся накрывший и пропитавший весь огромный город дым, когда в прессе замелькали статьи о масштабах и сроках ответного удара, оказалось, что это только начало. Выяснилось, что даже живя в Бостоне и не зная лично никого из тех, чье имя значилось в многостраничных списках погибших, можно быть отравленным гарью того дня. Эти столь созвучные с тревожным номером полиции и скорой помощи цифры 9/11 были везде. Они пламенели на обложках журналов, мерцали с экрана телевизора, смотрели с плакатов. Они впечатались, вьелись намертво в слабо сопротивляющуюся память и теперь отпечатывали свой след на каждой мысли, каждом деле. Это был даже не страх, а тоскливое щемящее беспокойство, которое неспешно день за днем отравляло жизнь.

Но тогда его еще не тянуло читать все новости. Глотать их с запойным увлечением наркомана он стал в октябре, когда роковые цифры немного отступили в газетных заголовках на задний план, и на свободу выбралось и немедленно вошло в обиход скользкое холодное слово – антракс. Вот тогда он и начал следить за каждым сообщением, гадая вместе со всей страной, где же и как проявится следующая порция язвы из далекой Сибири. Посланные невидимой рукой ничем не примечательные конверты несли в себе смертельную болезнь тем, кто их раскрывал, и страх тем, кто читал об этом на следующий день. И даже когда язвенная лихорадка сошла на нет, и стало ясно, что кто стоял за "смертью по почте" надолго останется неразгаданной тайной, привычка читать новости осталась.

Они стали его повседневной необходимостью, такой же как сон или еда. С болезненным нетерпением он открывал газету и начинал вчитываться в сухие сообщения. Благо, новостей хватало. Взрывы, чудом предотвращенные катастрофы, падающие и разрывающиеся на части ракетой пассажирские самолеты, невнятные угрозы, рассуждения о неминуемой войне... И постоянные предупреждения о повышенной опасности для населения.

Теперь многое воспринималось по-другому. Например, волна крови, захлестнувшая дальнюю маленькую страну на берегу Средиземного моря, с которой его, казалось бы, не связывало ничего. Как они могут так жить? - думал он о людях ходящих по улицам Тель-Авива и Иерусалима. Ведь то, что у нас произошло один раз, у них случается через день. Разница только в масштабе, и то, принимая во внимание размеры стран, не так уж она и велика. Но как они могут так жить? Каждый день ездить на работу, играть с детьми, ходить в гости, делать покупки... А потом читать об очередном месиве из рук и ног, которое появилось там где ты или кто-то из твоих близких побывал только сегодня утром. Неужели, к этому можно привыкнуть?

Сам он привык лишь к одному: к ежедневной порции новостей. Он понимал, что это увлечение зашло слишком далеко, несколько раз даже пытался избавиться от этой привычки, но все безрезультатно. Как магнитом его тянуло обратно - к словам, складывающимся в вести об изуродованных телах и судьбах. И самое обидное было то, что он подозревал, даже знал, что же именно так влечет его к этим заголовкам. Но это было настолько стыдно, настолько неловко, что он никогда не решался заглянуть глубже в себя. Потому что там, в глубине таилась облегченно-радостная мысль: "Не Синди... не детей... не меня..."

И вот теперь, первый раз чуть ли не за год он провел два дня без новостей, без страхов, без ноющего, словно загноившаяся рана, беспокойства. Он взглянул на Синтию, ласково поправил на ней одеяло, поймал себя на мысли о том, что уже забыл, когда видел ее такой безмятежной, и, стараясь не шуметь, направился в ванную.

По дороге на работу он смотрел новыми глазами на город - так как не смотрел уже давно. И утренняя городская суeta уже не казалась ему бессмысленным копошением муравейника за секунду до того, как на него наступит нога забавляющегося мальчишки. По улицам тек обычный людской поток, и зеркальные стены небоскребов не покрывались в воображении зияющими черными дырами. Вдоль тротуара медленно и важно вышагивала лошадь, везя за собой бутафорский прогулочный экипаж с сияющей молодой

парой. Он почтительно отсалютовал им из машины пока стоял на перекрестке, получил в ответ милую улыбку девушки и подумал что жить, оказывается, не так уж плохо.

Весело здороваясь с сослуживцами, Дэвид взял почту, взлетел на второй этаж, кивнул подвернувшемуся шефу (“да, да, я уже полностью здоров, эти простуды приходят и уходят за два дня”) и радостно вошел в кабинет. Утреннее чувство легкости не уходило, наоборот оно даже усилилось. Впереди был день работы, которую он, пожалуй что, даже любил до прошлого сентября, потом вечер с семьей, Синтия, которая за эти дни помолодела лет на десять... Жизнь постепенно обретала нормальные черты.

Он быстро прослушал накопившиеся сообщения, сделал несколько звонков и занялся почтой, которой для двух дней накопилось на удивление много. Так, это мусор, это мусор, это отдам Гленну, пусть он с этими нытиками разбирается, снова мусор, этому надо ответить лично, это... хм, а кто это, собственно говоря, такие? Он повертел в пальцах продолговатый белый конверт с названием какой-то организации и аккуратно написанным адресом. “Давиду Бейли”. Посмотрим, посмотрим. Нож скользнул по бумаге, оставляя за собой тонкую линию разреза, и из конверта появился плотный белый лист. Дэвид с удивлением посмотрел на испачканные снежной пылью пальцы, ощутил непривычный сладковатый запах, чихнул и автоматически развернул лист. “Умри!” – коротко гласила косая, твердо выведенная надпись. И тогда за горло его схватил ледяной страх.

- Мистер... Бейли... - услышал он сдавленный смутно знакомый голос. В дверях стояла секретарша шефа и расширенными глазами смотрела на его руку с белыми венчиками на растопыренных пальцах.

Страшно, дико хлопнуло что-то внизу, и секретаршу стремительно оттеснили неведомо откуда взявшиеся фигуры в ярко-желтых блестящих костюмах с прозрачными масками. Прямо перед Дэвидом возникли внимательные, без тени сочувствия, темные глаза за пластиковым щитком, мелькнула круглая эмблема с хищно переплетающимися, словно змеи

полумесяцами, и его, крепко взяв за руки, с неодолимой силой куда-то поволокли.

“Куда?! Зачем?! Куда вы меня тащите?!” – надрываясь, кричал он, не получая ответа, во время сумасшедшего бега по лестницам и коридорам. А в мозгу билась, пульсировала короткая мысль: “Антракс... антракс”. Его выволокли на безлюдный забетонированный двор, швырнули в открытые двери микроавтобуса, и чей-то голос решительно произнес: “Колоть немедленно”. Тут же правый рукав был безжалостно задран, и в вену ему вонзилась длинная блестящая игла. “Нет! Не-е-ет!” – отчаянно крикнул он, рванулся и, чувствуя, как сбоку в лицо уперлось что-то мягкое, открыл глаза.

Некоторое время он лежал, глядя в темноту и стараясь унять бешеный стук сердца. В правой руке еще явственно стояло ощущение холодного металла. Он часто, неглубоко дышал, ловя воздух пересохшим ртом, и все пытался отогнать стоящую перед глазами картину. Сон... Сон... Нет, такого еще никогда не было. Настолько реальный, настоящий кошмар... Он посмотрел на часы. Середина ночи. Дэвид медленно сел, нащупал ногами тапки, и все еще не восстановив нормальное дыхание, пошел на кухню. Там он долго с наслаждением мыл лицо ледяной водой, потом откупорил запотевшую бутылку пива и жадными глотками выпил половину. Стало легче. Сердце уже не колотилось так отчаянно. Страх отступил куда-то вглубь, потоптался на месте, потом и вовсе исчез. Остались только цепенящие воспоминания, которые тоже постепенно бледнели и растворялись в памяти. Держа в руке холодную влажную бутылку, он прошел в гостиную и упал в кресло.

Так больше нельзя... Так недолго и перейти от добровольного посещения психолога к принудительному лечению. А все эти новости, будь они прокляты. Они сделали из меня такую тряпку, довели до этого дурацкого состояния. Как будто нельзя поменьше говорить обо всех бедах. Неужели с утра до вечера надо твердить о том, что не все в мире хорошо? Как легко было жить триста лет назад, когда не было ни телевизора, ни интернета, ни газет. Или газеты уже были? Неважно... Не было бомб. А сейчас стоит открыть газету – смерть, смерть, смерть... Но, может быть, все дело в том как это воспринимаю я. Вот,

например, газета. Я могу ее открыть, спокойно прочитать о том, что произошло за тысячу миль от Бостона, немного посочувствовать неизвестным мне людям, мгновенно забыть об этом и перейти к разделу искусства. Конечно, я могу так сделать... В этом нет ничего сложного.

Он протянул руку, раскрыл огромный шелестящий лист и сразу же увидел эти кричащие строчки. “Вероятность новых терактов невероятно высока”. “Федеральные силы безопасности приведены в состояние повышенной боевой готовности”. “Выступая сегодня на пресс-конференции, министр обороны не отрицал возможности террористических ударов по стратегически важным объектам в течение следующих суток”. “Представитель ФБР подтвердил, что террористические ячейки на территории США активизировались”.

И сразу же мир вокруг изменился. Темнота, загнанная до этого в углы комнаты мягким светом торшера, вдруг надвинулась со всех сторон. Тревожно замерцали холодные огни за окном. Пиво, которое минуту назад казалось прохладным и освежающим вдруг отозвалось во рту горьким противным привкусом. Дэвид вскочил, озираясь по сторонам, и остановился, пораженный. Воздух над крышей вспорол резкий стрекочущий звук. По двору, слабо освещенному желтоватым светом фонаря, метались черные тени. Пригибаясь, быстрыми стремительными рывками они растекались по дорожкам и газонам, исчезая в темных закоулках. А в центре двора медленно, покачиваясь из стороны в сторону, и едва не задевая винтом голые деревья, опускался армейский вертолет, заляпанный темно-зелеными пятнами. Из него выпрыгивали все новые и новые тени и вслед за предыдущими разбегались в разные стороны.

“Всем оставаться на местах!” – проревел нечеловеческий голос. “Идет операция по захвату террористов. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и не оказывайте сопротивления!”. Тут же раздались глухие хлопки выстрелов, и стекло покрылось отверстиями с расплзающимися от них паутинками трещин. “Все” – отрешенно подумал Дэвид, чувствуя страшные ломающие все внутри толчки в грудь. Он успел увидеть несущийся навстречу серый ковер и провалился в пустоту.

- Дейв! Дейв! Что случилось? Опять эти кошмары? Дейв! Милый...

Перед глазами висело бледное искаженное тревогой лицо Синтии.

- Тебе опять что-то снилось?

Он ласково отстранил ее и, недоверчиво оглядываясь, сел.

- Снилось ерунда всякая.

- Что-то страшное?

- Так, глупости. Сначала одно, потом другое... думал, что проснулся - оказалось, сплю. Я сильно кричал?

- Нет, я проснулась, когда ты стонал. Не очень громко, но испуганно.

- Ничего, ничего, - сказал он, осторожно щупая одеяло. - Все прошло.

Который час?

- Пол третьего.

“Почти как там”, - подумал он.

- Я немного встану, похожу.

- Давай я с тобой.

- Нет, не надо. Спи. Я скоро приду.

- Я волнуюсь.

- Все в порядке, Синди. Seriously, все в порядке. Засыпай.

- Я тебя подожду.

- Не нужно. Засыпай.

На кухне все было так же. Поблескивали в белом свете сковородки, тихо гудел холодильник. И вода была такой же ледяной, и даже вкус пива совсем не изменился. А вот засевшего в каждой клеточке страха не было. Только лоб покрыла неуместная при такой температуре испарина. Дэвид прошел в комнату, осторожно подошел к окну и выглянул в пустой двор. Никого. Лишь ветви деревьев шевелятся на ночном ветру, да изредка взлетают с земли опавшие листья. Он закрыл глаза, вспоминая покачивающуюся тушу вертолета и режущую боль в груди. Все было таким настоящим. Почти как сейчас. Совсем как сейчас...

Он приблизился к креслу. Медленно опустился в него, чувствуя под собой податливое сопротивление подушки – совсем как пять минут назад. Газета на журнальном столике выглядела точно так же. Он осторожно потянулся к ней, вслушиваясь в тишину, но вдруг остановился на полпути. Из-под газеты выглядывал угол белого конверта с подозрительно знакомыми буквами.

Дэвид замер, глубоко втягивая в себя воздух. Это не сон.. Это не может быть очередным сном... Это слишком реально. Так же реально как пустые улицы Хаяниса, как ночь в старом доме, как архаичный поддельный экипаж, встреченный сегодня утром по дороге на работу. А конверт... конверт просто лежит тут с вечера. Я забрал его вместе со всей почтой, вместе с вот этой газетой, принес сюда, положил, не читая на стол, зашел к мальчикам, проводил Сюзан и пошел спать. А потом он мне приснился. Все просто и ясно. И газета мне приснилась, только уже в другом сне. А сейчас я не сплю. Я сижу у себя в гостиной, сейчас пол третьего ночи, мне завтра идти на работу, а я сижу и из-за двух паршивых снов боюсь взять кусок бумаги. Да пошло оно все!

Он рывком подтянул к себе газету и резким движением распахнул ее, да так что испещренный буквами лист почти разорвался пополам. Дэвид не обратил на это внимания. Закусив губу, он смотрел на кричащие, бьющие по глазам заголовки. Это было еще страшнее, чем в прошлый раз. Таинственные из ниоткуда разящие выстрелы, смерти, невинные жертвы, город, пораженный ужасом, ничего не знающие федеральные органы. Откуда-то издалека донесся голос Синтии: “Дейв, ты в порядке?”. И снова все было таким осязаемым, таким настоящим. Он вцепился изо всех сил в подлокотники кресла. Нет, это какое-то безумие. Когда же это закончится?! Проснуться! Проснуться! Просну-у-уться...

Дэвид открыл глаза. Спальню заливал теплый утренний свет. Он повернул голову направо. Синтии рядом не было. Только одиноко лежала смятая подушка, да с кухни доносилось позвякивание. Он сел на постели, чувствуя ломоту во всем теле, как после тяжелой работы. Глаза слезились, во рту стоял отвратительный привкус. “Дважды выпитое пиво”, - мысленно усмехнулся он. И только тут понял, что в отличие от прошлого пробуждения не гадает, спит

он сейчас или нет. Все вокруг было настоящим, солидным, пропитанным той знакомой каждому осязаемостью, которая однозначно позволяет отличить реальность от даже самого правдоподобного сна. Он встал и пошел на кухню, по дороге отмечая десятки мельчайших деталей, которых не было в ночных прогулках по тому же маршруту.

- Как ты? – спросил он, целуя Синтию в щеку.
- Лучше скажи, как ты, – отозвалась она, мешая кофе. – Ты всю ночь стонал. Страх холодной стружкой пробежал по спине.
- Стонал? А я не просыпался?
- Нет. Только я, – с улыбкой сказала Синтия.
- А на кухню я в пол третьего не уходил?
- В пол третьего? Я же говорю: ты спал всю ночь. Только стонал и крутился.

Наверное, тебе приснилось.

- Конечно, приснилось, – с облегчением ответил он. – Ладно, я пошел. Извини, что я тебе ночью мешал.

- Не забудь, тебе перед работой надо заскочить за бумагами на перефинансирование.

- Где это?
- Ты забыл? Два квартала от твоего здания.
- Аа.. да, теперь помню.

Машину удалось припарковать не сразу. Мест возле здания не было, становиться на платную стоянку из-за десятиминутного визита не хотелось, и пришлось поколесить по соседним улицам. Наконец кое-как втиснув машину между новеньким сияющим Фордом и помятой Тойотой, Дэвид вышел на мостовую и стал оглядываться по сторонам, соображая в какую сторону ему надо идти. Определив направление, он подивился своей несообразительности (надо же было так долго крутиться для того, чтобы приехать почти на то же место) и шагнул вперед. Пронзительный раздирающий душу трезвон наполнил воздух. Дэвид краем глаза заметил несущийся на него трамвай,

метнулся назад, вперед, и едва не упав, отскочил от рельс. Мимо пролетела грохочущая зеленая стена, мелькнула яркая реклама радиостанции, и он остался один наедине с колотящимся сердцем и удивленными взглядами прохожих. Кое-как переставляя ноги, он добрел до тротуара и присел на ступень перед входом. Тень реальной смерти, нависшая над ним, не шла ни в какое сравнение с ужасами ночных приключений.

Прижимая руку к груди, он перевел дух. Жив. Жив. Буду жить. Не сейчас, не в этот раз... Еще поживу. И тут ему вдруг с невероятной отчетливостью представилась его жизнь за прошедший год. Эти двенадцать месяцев наполненные тоскливым страхом, беспокойством, ожиданием беды. Что было хорошего в этом году? Разве что короткие, мгновенно гаснущие вспышки облечения “не я, не меня”. И все! Ничего больше. Он жил, не зная радости, насквозь пропитанный своими опасениями, вечно подавленный, мрачный, ожидающий лишь подвоха от окружающего мира. И это все, что ожидает его впереди? День за днем, год за годом будет тянуться это тоскливое постылое существование. И он и дальше будет, хмуро ссутулившись, смотреть телевизор, а потом, угрюмо сопя, приниматься за газеты вместо того, чтобы пойти куда-то с сыновьями или почитать хорошую интересную книгу или поговорить с Синтией или, черт возьми, схватить ее в охапку и, преодолевая дурашливое сопротивление, отнести ее в спальню? А по ночам его будут душить перетекающие один в другой кошмары. И так пройдет вся жизнь, которую у него только что едва не забрали. Так стоило ли так радоваться такой развязке? Кому она нужна – такая жизнь. Кому она нужна?

Он медленно достал мобильный телефон, чему-то еле заметно улыбнулся, пролистал список телефонов, ища полузабытое название, и набрал номер. Через пять минут, закончив разговор, он позвонил по другому, на этот раз хорошо знакомому номеру.

- Синди, - сказал он, задумчиво следя за проезжающими мимо машинами, - сегодня нигде не задерживайся. В семь часов мы идем на мюзикл... Да, я говорю серьезно. Твой любимый “Чикаго”, мы его не видели уже сто лет. И я

хочу, чтобы ты была очень красивая. Что? Нет, об этом ты больше не беспокойся. Теперь я по-настоящему здоров. А таблетки можешь выкинуть.

Он опустил телефон в карман, весело прищелкнул пальцами и направился к зданию.

* * *

- Мам, ну что сказал врач?

- А что он может сказать? То же что всегда: состояние стабильное, здоровью угрозы нет, сердце работает хорошо. И никаких оснований предполагать, когда он выйдет из комы. И выйдет ли вообще... Четвертый год уже никаких оснований... Четвертый год...

- Мам, перестань. Ну что ты... Ну не плачь... Не плачь...

- Ничего, ничего... это сейчас пройдет. Я все никак не могу себе простить.

- Но ты же ни в чем не виновата. Что ты могла сделать? Папа сам уснул.

- Не знаю. Что-то могла. Могла его не отпускать, могла пойти с ним, когда он вскочил посреди ночи. Какая разница, что он сказал с ним не ходить? Нечего было слушать. Могла заподозрить что-нибудь, когда услышала что он газету рвет, а не вести себя, как дура.

- Но ты же не знала, что такое случиться.

- Должна была знать. Вообще могла забрать эту мерзкую газету про эти убийства в Вашингтоне, про снайперов этих жутких. Мы ведь когда уезжали в Хаянис... мы ведь не знали об этом ничего. Они именно за эти два дня начали стрелять. Ты не помнишь, конечно, - двое сумасшедших, они расстреливали людей по всем Вашингтону. Их никак не могли поймать, никто вообще не понимал что происходит... Я еще подумала, когда вечером прочла: надо забрать, пусть он еще день-другой побудет без новостей. Зачем ему об этом читать? А потом забыла, Сюзан уходила, заговорились... Забыла...

- Мам, ты ни в чем не виновата. Понимаешь?

- Виновата. Это я ее наверху оставила. Я уверена, что он это все ночью и увидел – там на всю страницу было написано. А он был тогда такой впечатлительный, и только-только расслабился в этой поездке... Ну и что с того, что он спал, когда я пришла? Он за десять минут до этого с таким криком проснулся... можно было догадаться, что что-то не так. Ах, он не выспался, ах, пусть поспит хотя бы в кресле... Пол третьего ночи, ему уже скоро вставать... Может, если б я его тогда стала будить, он бы еще проснулся.

- Не плачь... Не плачь... Может, папа еще проснется.

- Может быть, может быть... Только помнишь, что врач тогда сказал? “Миссис Бейли, судя по улыбке вашего мужа, где бы он сейчас ни находился, ему там хорошо...”
